Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/EUJGIC
УДК 821.131.1.0 + 821.161.1
ББК 83.3(4Ита)6 +
83.3(2Рос=Рус)6

ГЕОРГИЙ БРЕЙТБУРД И СОВЕТСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО НЕОАВАНГАРДА

 А.В. Голубцова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 25 сентября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 06 ноября 2023 г.
Дата публикации: 25 марта 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-96-119

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00764 «Западный неоавангард 1950–1970-х гг. в советской науке и критике», https://rscf.ru/project/23-28-00764/

Аннотация: В статье рассматривается советская рецепция итальянского неоавангарда («Группы 63») и вклад в нее Георгия Брейтбурда — переводчика, консультанта по итальянской литературе Иностранной комиссии Союза писателей СССР, одного из ключевых организаторов советско-итальянских культурных связей. Особое внимание уделяется центральному эпизоду советских дискуссий вокруг «Группы 63» — статье Брейтбурда, опубликованной в «Новом мире» в марте 1967 г., и отклику на нее в итальянской прессе (коммунистическая газета «Унита», связанный с ней журнал «Ринашита», левый неоавангардный журнал «Квиндичи», центристская газета «Мессаджеро», правоцентристское издание «Дискуссьоне»). В статье доказывается, что Г. Брейтбурд играл ключевую роль в советской рецепции итальянского неоавангарда, и именно его статья в «Новом мире» сделала возможным дальнейшее обсуждение этого течения в «Иностранной литературе» и «Вопросах литературы» не только в сугубо критическом, но и в достаточно взвешенном научном ключе. Парадоксальным образом идеологическая борьба, которую активно вел Брейтбурд, способствовала популяризации неоавангарда и «Группы 63» в СССР, в то время как прекращение этой борьбы вскоре привело к фактическому забвению советской наукой и критикой обширных пластов экспериментальной итальянской литературы. В современной России художественные тексты «Группы 63» остаются достоянием узкого круга специалистов-филологов, они, за редкими исключениями, не переводились и не публиковались ни в советскую, ни в постсоветскую эпоху и до сих пор практически недоступны русскоязычному читателю.

Ключевые слова: итальянский неоавангард, «Группа 63», Э. Сангвинети, Л. Малерба, А. Арбазино, Дж. Манганелли, Н. Балестрини, У. Эко, Г. Брейтбурд, «Новый мир», «Иностранная литература», «Вопросы литературы», идеология, рецепция.

Информация об авторе: Анастасия Викторовна Голубцова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1286-7707

E-mail: ana1294@yandex.ru

Для цитирования: *Голубцова А.В.* Георгий Брейтбурд и советская рецепция итальянского неоавангарда // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 1. С. 96–119. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-96-119

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 1, 2024

GEORGIJ BREITBURD AND SOVIET RECEPTION OF ITALIAN NEO-AVANT-GARDE

© 2024. Anastasia V. Golubtsova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: September 25, 2023
Approved after reviewing: November 06, 2023
Date of publication: March 25, 2024

Acknowledgements: The article was written at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, grant no. 23-28-00764 "Western Neo-Avant-Garde of the 1950s–1970s in Soviet Science and Criticism" (https://rscf.ru/project/23-28-00764/).
Abstract: The article analyzes the Soviet reception of Italian Neo-Avant-Garde (Group 63), including the contribution by Georgij Breitburd, translator, consultant on Italian literature at the Foreign Commission of the Union of Soviet Writers, one of the key figures in Soviet-Italian cultural relations. The study focuses on the focal episode of Neo-Avant-Garde polemics, that is, on Breitburd's article in "Novy Mir" (March 1967) dedicated to Group 63 and on Italian discussion around it, which took place mainly in left-wing periodicals, like newspaper "Unità," magazines "Rinascita" and "Quindici," but also in moderate and center-right newspapers "Il Messaggero" and "La Discussione." The article proves that Breitburd played a crucial role in the Soviet reception of Italian Neo-Avant-Garde. It was his article in "Novy Mir" that made possible profound and academically correct discussions around this movement in "Inostrannaya Literatura" and "Voprosy Literatury." Breitburd's ideological fight against Group 63 in the late 1960s and early 1970s paradoxically increased the popularity of the movement in the USSR. After Breitburd died and the fight stopped, Italian Neo-Avant-Garde literature was nearly forgotten by Soviet critics and researchers and now, in modern Russia, is known only to a narrow circle of specialists. Most of Neo-Avant-Garde fiction was not translated and published either in Soviet or in post-Soviet times and still remains practically unavailable to Russian-speaking readers.
Keywords: Italian Neo-Avant-Garde, Group 63, Edoardo Sanguineti, Luigi Malerba, Nanni Balestrini, Alberto Arbasino, Giorgio Manganelli, Umberto Eco, Georgij Breitburd, "Novy Mir," "Inostrannaya Literatura," "Voprosy Literatury," ideology, reception.
Information about the author: Anastasia V. Golubtsova, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1286-7707
E-mail: ana1294@yandex.ru
For citation: Golubtsova, A.V. "Georgij Breitburd and Soviet Reception of Italian Neo-Avant-Garde." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 1, 2024, pp. 96–119. (In Russ.)
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-1-96-119

В 1950-е гг. в литературе возникает целый ряд экспериментальных направлений и групп, которые сегодня принято относить к так называемому неоавангарду — специфическому переосмыслению опыта исторического авангарда первой трети XX в. Французский «новый роман», Нью-Йоркская поэтическая школа, немецкая «конкретная поэзия» — далеко не полный список явлений, относящихся к обширному полю неоавангардной литературы. В этот перечень входит и итальянский неоавангард, связанный с деятельностью «Группы 63» — объединения молодых поэтов, прозаиков, критиков и теоретиков, сложившегося в конце 1950-х – начале 1960-х гг. вокруг журнала «Верри» (“Il Verri”).

Советская официальная литература и критика долгое время остается открыто враждебной к неоавангарду: по справедливому замечанию С.Е. Бирюкова, «60-е, 70-е и начало 80-х годов в бывшем СССР для большинства авторов авангардного направления оказались подпольными» [1, с. 68][1] — это верно не только для советского неоавангарда, но в значительной степени и для зарубежного. Крупнейшие литературные журналы, такие как «Новый мир» и «Иностранная литература», начинают обращаться к неоавангардным явлениям только в конце 1950-х, и в первую очередь их внимание привлекает французский «новый роман». В 1959 г. в «Иностранной литературе» выходит статья с резкой критикой «нового романа», продолжающего «декадентскую» линию модернистского искусства и якобы — при всей своей экспериментальности — потакающего обывательскому вкусу буржуазного читателя, желающего «укрыться в искусстве

1 О неоавангардных тенденциях в советской официальной и неофициальной литературе см. также: [4].

от социальных бурь нашего века» [14, с. 175]. В том же году в публикации в «Новом мире» авторы-экспериментаторы — в их число включаются С. Беккет, Г. Миллер, А. Арто, М. Лейрис, Н. Саррот, А. Роб-Грийе — обвиняются в пессимизме, нездоровом внимании к безумному и анормальному [30]. С самого начала экспериментальных писателей порицают за безыдейность, формализм, нигилизм и иррационализм, презрение к читателям и пренебрежение их потребностями и интересами. В дальнейшем, на протяжении 1960-х гг., советская рецепция неоавангарда основывается на тех же принципах. Редкие переводы неоавангардных текстов печатаются исключительно как доказательства кризисного состояния капиталистического общества и культуры. Такова, например, публикация фрагментов из «Планетария» Н. Саррот, «В лабиринте» А. Роб-Грийе и «Ступеней» М. Бютора в «Иностранной литературе»: в примечании к переводу эти фрагменты характеризуются как иллюстрации, демонстрирующие «социальную узость, и однообразие художественных приемов этой “школы”, претендующей на то, чтобы сказать “новое слово” в литературе» [22, с. 191]. Можно предположить, что главная цель была иной — вероятно, редакторы журнала стремились прежде всего познакомить читателя с актуальными тенденциями европейской прозы, однако подобное идеологическое «сопровождение» было тогда непременным атрибутом публикации неоавангардных текстов.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. советское представление о реализме расширяется, как и круг зарубежных авторов, официально «допущенных» на страницы журналов. В 1968 г. в «Новом мире» публикуется роман Н. Саррот «Золотые плоды», в послесловии к которому наряду с формальной усложненностью романа отмечается выдающаяся точность изображения литературной среды [20]. В 1970 г. в «Иностранной литературе» печатается роман М. Бютора «Изменение», в котором, по словам автора послесловия к переводу, «при вдумчивом подходе» обнаруживается «определенное социально-критическое содержание» [24, с. 100]. Сходную динамику (с некоторым отставанием) обнаруживает советская рецепция итальянского неоавангарда, который в значительной степени подхватывал и развивал на итальянской почве художественные эксперименты «новых романистов».

Если принять за точку отсчета истории итальянского неоавангарда середину 1950-х гг. — период основания журнала «Верри» и выхода пер-

вых сборников поэта-неоавангардиста Эдоардо Сангвинети, — то реакция на него советской критики оказывается крайне запоздалой. До 1963 г. в одной лишь обзорной статье К. Наумова в «Вопросах литературы» [25] звучит смутное эхо итальянских дискуссий об авангарде и традиции. Только институциональное оформление неоавангарда — создание так называемой «Группы 63», названной по году своего основания, — привлекает внимание и вызывает ряд достаточно оперативных откликов. В 1964 г. в «Иностранной литературе» появляется новостная заметка, в откровенно ироническом ключе сообщающая о съезде «группы молодых — и не слишком молодых — итальянских писателей-модернистов» [16, с. 279]. Со ссылкой на «прогрессивную печать» упоминается «рекламно-издательский» характер встречи, проведенной при поддержке издательского дома «Фельтринелли», и полемика с присутствовавшим на съезде А. Моравиа как представителем «традиционной», «реалистической» литературы[2]. В дальнейшем именно эти тезисы — связь с крупным бизнесом и культурной индустрией, отрицание значимости реализма и традиционного романа (в том числе полемика с неореализмом, который советская критика считала самым прогрессивным явлением современной итальянской литературы) — станут главными поводами для критики «Группы 63» в советской прессе. И все же, несмотря на свой критический тон, эта короткая новостная заметка открывает итальянскому неоавангарду дорогу в советское культурное пространство.

Вскоре на страницах «Нового мира» и «Иностранной литературы» появляются публикации, в которых более или менее развернуто освещается деятельность «Группы 63»: статья итальянистки Цецилии Кин с обзором литературных дискуссий в «прогрессивном» итальянском журнале «Нуови аргоменти» (“Nuovi argomenti”) [18] и размышления слависта, члена Итальянской компартии Витторио Страды об итальянском романе [29]. В обеих публикациях более или менее явно формулируется представление о неоавангарде как порождении и инструменте капиталистической системы: по словам Страды, художник, выступая против капиталистического общества, парадоксальным образом «гармонически в него “врастает”», сам становит-

2 Моравиа, который считался «другом» Советского Союза и в 1950–1980-х гг. несколько раз посещал СССР, действительно проявлял интерес к неоавангарду и неоднократно высказывался о нем — как правило, крайне резко. Присутствие Моравиа как представителя литературного «истеблишмента» на первом съезде «Группы 63» вызвало бурную полемику в итальянской прессе [6, p. 123–124].

ся пленником системы, частью контролируемой «официальной» оппозиции [29, с. 241]. Однако Страда, хорошо осведомленный об итальянских литературных дискуссиях середины 1950-х гг. и не стесненный идеологическими требованиями, избегает характерных штампов советской прессы. В частности, он отказывается целиком сводить современный итальянский реализм к неореалистическому направлению (по мнению Страды, уже «мертвому») и, в отличие от советских критиков, сопоставляет неоавангард не с реализмом как таковым, а с «традиционализмом» в духе Дж. Бассани и К. Кассолы, при этом критикуя оба направления за слабость художественных результатов и недостаточную «революционность» — неверие в возможность изменения действительности художественными средствами[3]. Отвергая привычную дихотомию авангарда и реализма, Страда рисует значительно более сложную картину итальянского литературного процесса 1950-х гг., а иронический выпад в адрес тех, кто «привык задавать писателям канонический анкетный вопрос "Вы оптимист или пессимист?"» и догматически «каталогизировать» их как «прогрессивных» или «реакционных» [29, с. 244], можно рассматривать как прямой упрек в адрес советских критиков. Статья Ц. Кин «Литературная алхимия» [19], посвященная «Группе 63», напротив, носит откровенно тенденциозный характер: рассказ об истории группы начинается с разговора о предшественниках и главных оппонентах неоавангардистов — писателях-неореалистах, чья активная социальная позиция и антифашистский пафос противопоставляются формализму и реакционности неоавангарда. Несомненное достоинство статьи заключается в том, что в ней впервые приводится ряд подробностей, касающихся истории и рецепции нового течения, рассматривается полемика внутри «Группы 63» по ключевым вопросам отношения к идеологии, реалистической литературе и культурной традиции, анализируется несколько образцов неоавангардной прозы и драматургии: роман Сангвинети «Итальянское каприччо» ("Capriccio italiano"), его же пьеса «Толкование сновидений» ("Traumdeutung"), пьеса Энрико Филиппини «Игра с обезьяной» ("Gioco con la scimmia"). При этом автор не скрывает своей неприязни к неоавангарду, саркастически описывая содержание произведений и сознательно

3 Наиболее плодотворным Страда считает подход писателя Элио Витторини (редактора журнала «Менабо»), в рамках которого появление новых повествовательных форм связывается с изменением «существующих условий в области культуры» [29, с. 247].

или неосознанно игнорируя их формальные аспекты (что свидетельствует о непонимании или игнорировании специфики неоавангардной литературы как таковой).

Наиболее фундаментальной и резонансной советской публикацией об итальянском неоавангарде становится статья «Итальянский “новый авангард”», опубликованная в «Новом мире» в 1967 г. переводчиком Георгием Брейтбурдом. Брейтбурд, консультант по итальянской литературе Иностранной комиссии Союза писателей СССР, играл ключевую роль в организации советско-итальянских культурных контактов, в качестве переводчика в 1950–1960-е гг. сопровождал в поездках по Советскому Союзу целый ряд итальянских писателей (Карло Леви, Альберто Моравиа, Курцио Малапарте, Гвидо Пьовене и др.) и сам неоднократно ездил в Италию в составе официальных делегаций. В РГАЛИ[4] хранится его обширная корреспонденция — образцы дружеской и деловой переписки с итальянскими авторами, полные упоминаний о личных встречах, обмене книгами, издательских планах. Из писем и других документов следует, что Брейтбурд играл определенную роль в советской издательской политике: он не только занимался переводами, но и принимал активное участие в отборе итальянских произведений для последующего издания, в организации публикаций и рецензировании. Его литературные вкусы и идеологические принципы вполне соответствуют позиции официального советского литературоведения 1950–1960-х гг.: поддерживая дружеские отношения с «прогрессивными» писателями-реалистами, способствуя их переводу и изданию в СССР, он знакомится и с актуальными экспериментальными течениями, однако резко критикует неоавангардную литературу (которую советская критика традиционно именует «модернистской» и «декадентской», фактически используя эти характеристики как синонимичные, не столько в терминологическом, сколько в оценочном смысле). Об эстетических и идейных позициях Брейтбурда недвусмысленно свидетельствует его публикация в «Новом мире», которая на тот момент является самым информативным, но, пожалуй, и самым острым советским высказыванием об итальянском «новом авангарде».

Автор статьи подробно очерчивает историю создания группы, но факты, изложенные в статье, трактуются в сугубо критическом ключе,

4 РГАЛИ. Ф. 2820 Брейтбурд Георгий Самсонович (1921–1976) — переводчик. Даты: 1813–1975 гг.

в ракурсе, заданном предыдущими советскими публикациями. «Группа 63» предстает как явление внутренне пустое, зародившееся в нарочито роскошной обстановке, «в одном из приморских отелей в пригороде Палермо, среди финиковых пальм и лимонных рощ», и обязанное своей славой исключительно прессе, не щадившей «ни средств, ни усилий для создания вокруг ее деятельности атмосферы шумного успеха» [12, с. 220]. Эта характеристика, сразу же задающая модус восприятия группы, поддерживает главный вывод статьи: неоавангард, по видимости призванный бороться с «неокапиталистическим» обществом потребления, в сущности, сам представляет собой порождение и инструмент капиталистической системы. Особая значимость этого тезиса обусловлена тем, что неоавангард изначально ставил своей целью подрыв основ сложившегося «буржуазного» общества, хотя, в отличие от исторического авангарда начала XX в., отвергал принцип «прямого действия» и направлял свои усилия на дискредитацию и разрушение конвенционального языка. Значимыми, хотя и не единственными идейными ориентирами неоавангарда были неомарксистская Франкфуртская школа и круг журнала «Тель Кель», многие члены «Группы 63» придерживались марксистских взглядов, а один из самых ярких и авторитетных ее представителей, Э. Сангвинети, являлся членом ИКП. Именно эта мнимая идеологическая близость заставляет автора статьи так настойчиво подчеркивать чуждость неоавангардных идей «подлинному» марксизму.

Брейтбурд отказывает «Группе 63» в оригинальности — обвинение, особенно болезненное для авангардного течения: группа названа «в подражание» немецкой «Группе 47», один из ее лидеров, Альфредо Джулиани, в своем программном выступлении подчеркивает значимость «формального момента», «в сущности повторяя западногерманского теоретика Адорно» [12, с. 221]. Неоавангард изображается как явление вторичное и «провинциальное», причем, парадоксальным образом, основанием для такой характеристики служит интерес «Группы 63» к последним достижениям современной науки и философии — структурализму (постулаты которого автор статьи причисляет к «давно известным истинам», словно бы «забывая» о вкладе, внесенном в разработку структуралистской методологии французскими филологами и культурологами — Р. Бартом, Ц. Тодоровым, Ю. Кристевой — именно в 1960-е гг.), русскому формализму (также освоенному западным литературоведением только в 1960-х), «откровениям» (по иро-

ничной характеристике Брейтбурда) французских литераторов из круга журнала «Тель Кель»[5]. Резкой критике подвергаются нападки неоавангарда на «традиционалистов», или тех, «кого принято называть сегодняшними критическими реалистами» [12, с. 124], и прежде всего — на А. Моравиа[6].

Подчеркивая чуждость «Группы 63» подлинному марксизму, Брейтбурд в полемических целях сосредотачивает свое внимание на одной проблеме — отношении неоавангарда к идеологии, утверждая, что «для большинства представителей неоавангарда характерно вообще отрицание какой-либо роли идеологии в искусстве и литературе» [12, с. 221]. При этом автор статьи радикально упрощает картину, сводя весь спектр позиций, сосуществовавших в рамках группы, к позиции одного из ее членов — критика и теоретика Анджело Гульельми, который видел задачу неоавангарда в развенчании любых идеологий как заведомо ложных. Автор мимоходом оговаривается, что «теоретические установки представителей итальянского неоавангарда далеко не однородны» [12, с. 222], однако сосредоточенность на одной из точек зрения создает ложное ощущение монолитности группы, причем главным объединяющим моментом, в интерпретации Брейтбурда, становится пафос радикального отрицания: «Излишне говорить, насколько связаны друг с другом бегло обрисованные нами черты неоавангарда — отрицание идеологии, отрицание общественной роли писателя (его “ангажированности”) и отказ от коммуникативной функции искусства. Естественно, что в этом тройственном отрицании определяющим является отказ от идеологии» [12, с. 222]. При этом, как отмечают теорети-

5 «Структуральная лингвистика, теория информации, кибернетика, структурализм (упомянутый отдельно от структурной лингвистики. — *А.Г.*), современная антропология — таков лишь краткий перечень возникших вне Италии научных теорий, которые усиленно обсуждаются неоавангардистами. Порой кажется, что чем “новее”, чем “ошеломительнее” идея, тем она для них привлекательней. В этом мелькании самых последних теорий и самых модных имен обнаруживаешь черты некой провинциальной экстравагантности, которая сама по себе есть свидетельство неблагополучия в итальянской культуре последних лет» [12, с. 225]. Более того, эта парадоксальная «провинциальность» итальянской культуры 1960-х объявляется возвратом к «провинциальности» эпохи фашизма, когда Италия действительно была в значительной степени изолирована от мирового культурного процесса.

6 Словосочетание «критический реализм», редко употребляемое в итальянском контексте как литературоведческое (а не философское) понятие, в данном случае уместно, поскольку в те годы под влиянием Д. Лукача этот термин получил распространение в итальянской левой критике — в расширительном смысле со ссылкой на Лукача его употреблял, в частности, сам А. Моравиа в эссе «Мои проблемы» 1962 г. (I miei problemi // L’Espresso. 1962. 20 maggio. Anno VIII. № 20).

ки неоавангарда и участники группы, в действительности существовало как минимум три тенденции: одна, предполагавшая социально-политическую ангажированность неоавангарда, была сформулирована Э. Сангвинети, вторая, упомянутая Брейтбурдом, — А. Гульельми, третий, «средний» путь ассоциировался с именем Р. Барилли [31, p. 436][7]. Среди огромного массива теоретических выступлений членов «Группы 63» можно найти высказывания в пользу любой из позиций, при этом базовая установка неоавангарда (даже в его самой радикальной трактовке) вовсе не предполагает чистого экспериментаторства ради экспериментаторства. Неоавангард ставит перед собой практическую задачу, основанную на представлении о преимущественно языковом характере реальности, на восприятии мира как текста. Целью «формальных» экспериментов является воздействие на сознание (и подсознание) читателя, радикальная трансформация языка предполагает подрыв привычных моделей мышления, разрушение установок и мифов, а значит, и господствующей идеологии. Как справедливо отмечают А. Азор Роза и А. Абруццезе, «отличительной чертой, общей для всех членов группы, с самого начала была убежденность, что между идеологией и языком существует взаимосвязь настолько тесная, что она должна ясно проявляться и декларироваться в любой момент, и что в конечном счете изменения идеологии — это то же самое, что изменения языка» [5, p. 813]. Радикально упрощая картину теоретических дискуссий, Брейтбурд неосознанно или намеренно (что более вероятно, учитывая уровень его осведомленности об итальянском литературном процессе) вводит читателя в заблуждение, создавая ложное впечатление о неоавангарде как о «литературе, замкнутой в пределах лингвистического эксперимента, в пределах опытов над языком, литературе, лежащей вне мировоззрения» [12, с. 222].

Статья Брейтбурда вызвала бурную реакцию в итальянской прессе, что объясняется не только актуальностью затрагиваемых в ней проблем, активно обсуждавшихся в итальянских интеллектуальных кругах по меньшей мере с середины 1950-х гг. Определенную роль сыграла личность автора, известного и как переводчик, и как ключевая фигура в организации советско-

7 Более того, именно по этим идеологическим границам будет пролегать линия раскола в период «горячей осени» 1968 г., когда неоавангардные авторы, теоретики «лингвистической» революции, не смогут дать адекватный ответ на реальные социально-политические протесты, что в конечном счете и приведет к распаду «Группы 63».

итальянских культурных связей. Привлекал внимание и печатный орган, в котором появилась публикация, — в пользу этого свидетельствует тот факт, что более ранняя статья о «Группе 63» в «Иностранной литературе» [19] практически не вызвала отклика за рубежом. В тот период интерес итальянской критики к «Новому миру» подогревался широкой кампанией против «оппозиционного» журнала, развернувшейся в советской прессе в 1966–1967 гг. [2, с. 10–11]. Интересно, что незадолго до выхода статьи Брейтбурда «Унита» — официальный печатный орган ИКП — опубликовала интервью с А. Твардовским, значительная часть которого была посвящена критике «Нового мира» со стороны газеты «Правда». В интервью был задан и вопрос о том, появятся ли в журнале «экспериментальные» произведения. Ответ Твардовского — «журнал <...> имеет свою линию, которая не является “экспериментальной”» — ясно отражал политику «Нового мира» по отношению к неоавангарду [38].

Усилиями редакции газеты «Унита» был оперативно выполнен перевод статьи Брейтбурда. Перевод был опубликован в первом номере неоавангардного журнала «Квиндичи» (“Quindici”) под названием «Полемика “Нового мира” против “Группы 63”». В кратком предисловии к переводу редакторы журнала — члены группы, лично принимавшие участие в описанных в статье дискуссиях, — не без иронии выразив благодарность советскому автору («Нас приятно удивила добрая воля составителя, попытавшегося понять феномен, столь плохо понятный для нас самих» [37, p. 5]), отмечают ряд допущенных им фактических ошибок. В частности, советский критик смешивает теоретические рассуждения участника группы, семиолога Умберто Эко, с тезисами других авторов, на которых тот ссылается и с которыми полемизирует. Впрочем, как иронически отмечено в предисловии, Брейтбурд «абсолютно непредвзят в своей характерной манере выдергивать из контекста и обрывать цитаты» — от этого в равной степени «страдают» и другие упоминаемые им авторы, от Марио Спинеллы до Карла Маркса [37, p. 5]. Помимо сознательных искажений и ошибок, вводящих читателей в заблуждение, авторы предисловия упрекают советского критика в чрезмерном упрощении и поверхностности[8], и в этом они не одиноки:

8 По их ироническому замечанию, теоретический сборник «Авангард и неоавангард» (“Avanguardia e Neo-avanguardia”, 1966), на который ссылается Брейтбурд, «мог быть использован гораздо лучше и мог бы предоставить сотруднику “Нового мира” материал для более жесткой и рассчитанной атаки» [37, p. 5].

те же обвинения адресуют Брейтбурду практически все итальянские участники дискуссии.

Номер «Квиндичи» датирован июнем 1967 г., но левые интеллектуалы явно имели возможность ознакомиться с переводом до его официальной публикации, о чем свидетельствуют многочисленные отклики на статью, появившиеся в коммунистической прессе еще в мае. Первой итальянской реакцией на статью Брейтбурда стала заметка в «Унита» от 6 мая 1967 г. «Полемика “Нового мира” вокруг итальянского литературного авангарда» [41], кратко пересказывающая основные положения статьи. 17 мая была опубликована более обширная рецензия [40], автор которой, критик и переводчик Микеле Раго, не просто передает содержание текста, но и полемизирует с ним, критикуя автора за догматическую трактовку марксизма, нарочито упрощенное представление о политических и культурных дискуссиях в Италии 1960-х гг. и обилие внутренних противоречий (советский критик сводит все многообразие идеологических позиций в «Группе 63» к одной крайней точке зрения и тут же отмечает «неоднородность» теоретических позиций в неоавангарде, упрекает неоавангард в «антиидеологичности» и одновременно в приверженности к ультралевым взглядам «китайских хунвэйбинов» и поддержке неокапитализма).

Широкая дискуссия разворачивается на страницах коммунистического журнала «Ринашита» (“Rinascita”). В № 20 (19 мая 1967 г.) под общим заголовком «По поводу статьи Георгия Брейтбурда в “Новом мире”» опубликованы выступления журналистов и критиков Марио Спинеллы и Джан Карло Ферретти и поэта Джованни Джудичи. Спинелла, марксист и участник «Группы 63», в своем выступлении «Различия в суждениях и уточнения на полях» (“Divergenza di giudizio e precisazioni in margine”) объясняет нападки советского автора «недопониманием», а главное — полемизирует с основным тезисом статьи, отрицая описанную Брейтбурдом «идиллию между капитализмом и авангардом» [43, p. 19]. По мнению Спинеллы, предложенная трактовка чрезмерно упрощает крайне сложный и абсолютно открытый вопрос о месте и роли интеллектуалов и литераторов в капиталистическом обществе — вопрос, который требует «спокойной дискуссии и внимательного социокультурного анализа» [43, p. 18–19], более глубокого, чем предлагает публикация в «Новом мире». Джудичи в статье «Правила игры» (“Le regole del giuoco”), не отрицая, что «наиболее прочные корни

неоавангарда заключены в самой действительности неокапитализма» [12, с. 236], объявляет этот тезис поверхностным и самоочевидным. Ферретти («Удобная цель» / “Bersaglio di comodo”) обвиняет Брейтбурда в недостаточном знакомстве с итальянским культурным контекстом. Противопоставляя неореализм и неоавангардные течения, которые «списываются со счетов как неокапитализм и формализм tout court, во имя поверхностной идеологичности» [43, p. 19], советский критик опирается на «устаревшее и схематичное понимание неореализма <…> и ангажированности» [43, p. 20], не принимая в расчет ни внутреннюю эволюцию неореалистической литературы, ни существование других экспериментальных течений[9], исходящих из иных идеологических предпосылок.

Дискуссия продолжается в следующем, 21-м номере журнала (26 мая 1967 г.) статьей Энцо Сичильяно «Был ли авангардом неореализм?» [42, p. 37] и в № 22 (2 июня 1967 г.) публикацией Джансиро Ферраты «Часть проблемы» [34, p. 20–21]. Для Ферраты статья в «Новом мире» становится поводом порассуждать о «неудаче» неоавангарда — о его «сектантстве» и специфическом «академизме» [34, p. 21], однако в то же время итальянский автор отмечает, что Брейтбурд «оставляет в тени» бурную полемику внутри «Группы 63» и упрощает ее теоретические основания, в том числе и позицию А. Гульельми. Сичильяно, соглашаясь с советским критиком в отрицании протестного потенциала неоавангарда и приходя к неожиданному выводу, что подлинным авангардом в итальянской литературе второй половины XX в. был неореализм, который попытался «выработать оригинальную и единую цель, новое понимание отношений между литературой и жизнью и представление о будущем» [42, p. 37], подчеркивает, как и прочие участники дискуссии, определенную ограниченность высказываний Брейтбурда.

Резонанс, вызванный статьей, вынуждает ее автора ответить на критику: 16 июня 1967 г. «Ринашита» публикует ответное письмо Брейтбурда под заголовком «Игры в “гусёк”»[10] [32, p. 27]. Автор указывает на отсутствие в своей статье противопоставления неоавангарда и неореализма, однако

9 Например, круга журнала «Менабо», который упоминал В. Страда в цитировавшейся выше статье в «Иностранной литературе» [29].

10 Аллюзия на неоавангардный роман Сангвинети «Игра в “гусёк”» (“Il giuoco dell’oca”), опубликованный в том же 1967 г.

этот тезис заведомо неверен: Брейтбурд действительно с осторожностью оперирует понятием «неореализм», предпочитая называть оппонентов неовангарда «традиционалистами», но акцент на вопросе писательской ангажированности (вышедшем на первый план именно в неореалистической литературе и критике) и сам контекст итальянской литературной полемики 1950–1960-х гг. неизбежно приводят читателя (в особенности итальянского) к убеждению, что под неопределенным термином «традиционалисты» подразумеваются, в первую очередь, неореалисты. В письме критик утверждает, что подлинным ориентиром для него является мысль А. Грамши, которая «оказывается все более действенным аргументом против любой формы догматизма», однако, поскольку взгляды итальянского философа-марксиста упоминаются в статье лишь единожды и не являются основой аргументации, упоминание имени Грамши выглядит как способ защиты от обвинений в поверхностности и чрезмерном упрощении. Возражения Брейтбурда оказываются столь очевидно несостоятельными, что один из участников полемики, Ферретти, считает необходимым продолжить дискуссию в следующем номере журнала (23 июня 1967 г.), справедливо заметив, что советский критик явно лукавит — хотя бы в вопросе употребления термина «неореализм» [35, p. 27].

Отзыв Брейтбурда привлекает внимание и центристской прессы, хотя и в значительно меньшей степени. 18 мая 1967 г. критик Костанцо Костантини в заметке «Итальянский неоавангард меж скудных успехов и суровых нападок» [33] в столичной газете «Мессаджеро» (“Il Messaggero”), включаясь в непрекращающуюся дискуссию вокруг «Группы 63», критикует неоавангард за вторичность, художественную несостоятельность и неспособность отразить реалии современного индустриального мира, причем собственные замечания критик предваряет обзором двух полемических по отношению к «Группе 63» текстов — статьи П.П. Пазолини в журнале «Нуови аргоменти» и выступления Г. Брейтбурда в «Новом мире». Пазолини в статье «Конец авангарда» обвиняет неоавангардистов в несоответствии между литературной (точнее, «лингвистической») деятельностью и образом жизни: «лингвистическая битва» против буржуазии — борьба с конвенциональными языковыми структурами современного общества — у неоавангардных авторов сочетается с «типично буржуазным» поведением [39, p. 10]. Нетрудно заметить, что Брейтбурд в своей статье повторяет

многие из этих обвинений: не исключено, что статья Пазолини была для него одним из идеологических ориентиров, тем более что советский критик неоднократно ссылается на «Нуови аргоменти» (правда, только в контексте антинеоавангардистских высказываний другого автора журнала, Моравиа). Не случайно Костантини, кратко передавая идеи Пазолини, упоминает, в еще более сжатом пересказе, и близкое по посылу выступление Брейтбурда. Статья в «Мессаджеро» интересна прежде всего тем, что, в отличие от большинства итальянских отзывов на советскую публикацию, не представляет ее как событие в литературном мире. Для Костантини доводы Брейтбурда не содержат ничего неожиданного: они «входят в старый репертуар аргументов против авангарда» наряду со статьей Пазолини, органично встраиваясь в контекст итальянских литературных дискуссий.

Одним из редких образцов «критики справа» становится опубликованная 5 июня 1967 г. заметка «“Группа 63” и “Новый Мир”» Франческо Гризи, писателя и журналиста, близкого к правоцентристским кругам, в газете «Дискуссьоне» (“Discussione”), связанной с Христианско-демократической партией [36]. Гризи оказывается единственным, кто прямо обвиняет Брейтбурда в предвзятости и выполнении «госзаказа» («Георгий Брейтбурд <…> с дотошностью судебного секретаря просто выполняет свой долг»), припоминая ему в том числе и недавнюю поддержку скандального дела Синявского и Даниэля, и отметает его доводы против неоавангарда как абсурдные. Парадоксальным образом в оценке аргументов Брейтбурда Гризи сближается с критиками коммунистического толка, хотя и завершает свою рецензию упреками в адрес марксизма как доктрины, ограничивающей развитие современной культуры, и марксистских интеллектуалов, сводящих искусство к соображениям революции и классовой борьбы.

Сам Брейтбурд отрицает пропагандистский характер своей публикации, утверждая, что она носит исключительно информационный характер [32, p. 27] и призвана лишь сообщить аудитории «Нового мира» о литературном течении, практически неизвестном в СССР. Общий контекст жизни и творчества Брейтбурда и его явное пристрастие к «реалистической» литературе позволяет предположить, что критик не лукавит — статья действительно отражает его художественные вкусы и внутренние убеждения. И все же откровенная тенденциозность текста явно указывает, что автор ставил перед собой и другую цель — сформировать у читателей отрицательное от-

ношение к неоавангарду и «Группе 63». Пропагандистская направленность текста особенно четко прослеживается в статье Брейтбурда «Белая полоса в пустыне» в коллективной монографии «Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг.» [8]: первоначально статья с этим названием, посвященная критике западного искусства 1960-х гг. и лишь вскользь затрагивающая итальянский неоавангард, была опубликована в «Новом мире» в 1971 г. [9], однако при подготовке монографии она была серьезно переработана — в том числе в нее почти целиком вошла статья «Итальянский “новый авангард”»[11]. Критика итальянского неоавангарда здесь встраивается в более широкий идеологический контекст, что приводит к усилению политического звучания. В 1967 г. единственным намеком на конкретные политические события была аналогия между «Группой 63» и китайскими хунвэйбинами, отражающая охлаждение отношений между СССР и Китаем времен Культурной революции. Спустя пять лет Брейтбурд, выступая против авангардных «провокаций», пространно критикует анархизм и «некритически воспринятый» западными интеллектуалами маоизм: в этих пассажах отчетливо звучит «эхо» протестов 1968–1969 гг. В статье 1972 г. принципиально аидеологичный (в трактовке Брейтбурда) неоавангард и политические выступления конца 1960-х противопоставляются как два разных ответа на кризис капиталистической системы, при этом как «негативная», так и «позитивная» реакция оказываются равно подвержены пагубному влиянию анархистских и маоистских идей.

Несмотря на то, что изначально статья в «Новом мире», написанная в строгом соответствии с «официальной» позицией по отношению к неоавангарду, носила в значительной степени пропагандистский характер и, будучи обращенной к советской аудитории, решала внутренние идеологические задачи, итальянские интеллектуальные круги восприняли полемические выпады Брейтбурда как приглашение к содержательной дискуссии. При всем разнообразии реакций, от доброжелательных в целом отзывов М. Спинеллы и Э. Сичильяно до язвительной отповеди Дж.К. Ферретти, подавляющее большинство участников полемики независимо от их политических взглядов более или менее резко обвиняют советского критика

11 Позже, в 1978 г., в изданном посмертно сборнике статей Г. Брейтбурда «На стороне разума: о современной итальянской литературе», два текста — «Белая полоса в пустыне» и «Итальянский “новый авангард”» — будут вновь опубликованы отдельно [7; 11].

в чрезмерном упрощении, односторонности подхода, внутренней противоречивости и искажении фактов. Авторы признают неоднозначность художественных экспериментов «Группы 63» и проблемность самого понятия авангардной литературы, но отказываются от резкого противопоставления неоавангарда и неореализма как «положительного» и «отрицательного» полюсов литературного процесса. При этом интеллектуалы левого толка, будучи сторонниками СССР и, вероятно, питая уважение лично к Брейтбурду, не упрекают его в ангажированности и не указывают на пропагандистский характер статьи, объясняя ее недостатки «недопониманием» и недостаточной осведомленностью. Только Ф. Гризи, близкий к правым кругам, очевидно, уловил пропагандистскую направленность публикации, открыто предположив, что Брейтбурд выполняет определенный идеологический «заказ». На резко полемический характер статьи, очевидно, повлияли и личные вкусы ее автора, и стремление редактора «Нового мира» Твардовского защитить журнал от давления «сверху». Как бы то ни было, учитывая контекст эпохи и роль Брейтбурда в системе итало-советской «культурной дипломатии», можно утверждать, что его статья, где критика конкретного литературного феномена предстает как частный случай более общего противопоставления «традиционалистского» реализма и авангардного «формализма», является характерным эпизодом культурного и идеологического противостояния СССР и Запада в эпоху «холодной войны». С другой стороны, нельзя отрицать, что публикация действительно содержит ценную информацию об итальянском неоавангарде — в том числе включает в себя несколько цитат из неоавангардной поэзии и драмы, дающих некоторое представление о художественных поисках «Группы 63». Сам факт появления подобной статьи, написанной авторитетным критиком, хорошо осведомленным об актуальных тенденциях современной культуры, подогревает интерес советской публики и прессы к экспериментальной итальянской литературе и стимулирует дальнейшее обсуждение этой темы.

Примечательно, что если в своих критических статьях Брейтбурд откровенно ангажирован и резок, в научной публикации, посвященной обзору дискуссии о литературе и капиталистическом обществе на страницах «Ринашиты» [10], он внимательно и доброжелательно излагает позиции поэтов-неоавангардистов Элио Пальярани и Э. Сангвинети. Чуть раньше в том же журнале выходит посвященная в том числе и неоавангарди-

стам большая обзорная статья И.Н. Голенищева-Кутузова об итальянской поэзии XX в. [15], в которой некоторая ироничность тона компенсируется вдумчивостью и вниманием к теоретическим дискуссиям «Группы 63» с ее неоднородностью и плюрализмом мнений. С одной стороны, спокойная и почти доброжелательная интонация статей в «Вопросах литературы» объясняется спецификой журнала — научным, а не публицистическим характером публикуемых в нем материалов; с другой стороны, можно предположить, что статья в «Новом мире», при всей ее ангажированности, до некоторой степени служит легитимации итальянского неоавангарда, делает возможным его взвешенное обсуждение (так же, как ранее это произошло с «новым романом»). После этой публикации участники «Группы 63» начинают упоминаться в советской критике чаще, чем прежде, — и не всегда в негативном ключе. Так, в новостной заметке 1968 г. в «Иностранной литературе» [26] члены «Группы 63» Э. Сангвинети и У. Эко оказываются в числе «виднейших» деятелей культуры, подписавших призыв к итальянской интеллигенции голосовать за коммунистов на выборах в парламент (впрочем, этот жест, очевидно, обусловлен политической конъюнктурой). В 1970 г. в «Иностранной литературе» публикуется доброжелательная рецензия на антологию итальянской лирики XX в. («Итальянская лирика. XX век» [17]), где наряду со стандартной критикой «Группы 63» (отказ от идеологии, политических и социальных мотивов, подмена содержания языковыми экспериментами) звучит похвала в адрес отдельных ее членов, которые «идут навстречу общему движению[12], не желая более замыкаться в экспериментах чистой формы» [21, с. 263–264].

В 1968 г. «Группа 63» распадается и итальянский неоавангард фактически перестает существовать как целостное течение[13]. Эта перемена нахо-

12 Фраза, очевидно, алогична, но мысль, выраженная в ней, вполне ясна.

13 Это вовсе не означает, что вопросы, обсуждавшиеся в рамках «Группы 63», утратили актуальность, а художественный опыт неоавангарда не был усвоен. Повествовательные техники, разработанные или актуализированные «Группой 63» (пастиш, коллаж, методы работы с жанровыми схемами и читательскими ожиданиями, элементы игровой и интертекстуальной поэтики и т. д.), мотивы и образы, отражающие специфическое неоавангардное представление о структуре реальности (в первую очередь, метафора лабиринта), усваиваются итальянским литературным постмодернизмом и превращаются в новую норму, а теоретическая разработка понятия «открытости» (введенного участником «Группы 63» У. Эко в теоретической работе «Открытое произведение» / “Opera aperta” 1962 г.) готовит итальянскую и, в немалой степени, мировую культуру к восприятию постмодернистской философии и становится неотъемлемой частью мировой гуманитарной мысли. Впрочем,

дит свое отражение и в статьях советских критиков: начиная с 1970-х гг. в большинстве публикаций о современной итальянской литературе итальянский неоавангард либо не упоминается вовсе, либо характеризуется как «пройденный этап», феномен, принадлежащий прошлому. Яркое исключение составляет советско-итальянская писательская встреча в Москве, материалы которой были опубликованы в «Иностранной литературе» (1973. № 1) и одной из заявленных тем которой являлась критика «левацких концепций группы “Тель Кель” и “Группы 63”» [28, с. 205]. С итальянской стороны во встрече участвовали интеллектуалы левого толка, в том числе бывшие члены «Группы 63» (У. Эко, Э. Филиппини), один из «отцов» итальянской визуальной поэзии Л. Пиньотти и филолог-структуралист Л. Розьелло, с советской стороны единственным профессиональным итальянистом был Г. Брейтбурд (не исключено, что именно по его инициативе в программу встречи наряду с обсуждением масштабных теоретических проблем, таких как взаимоотношение литературы и реальности или способы художественного познания действительности, был включен сугубо частный вопрос о журнале «Тель Кель» и «Группе 63» — впрочем, это лишь предположение, основанное на анализе научных интересов самого Брейтбурда). Итальянские участники в своих репликах ограничиваются редкими, беглыми и лишенными критического пафоса упоминаниями «Группы 63», проявляя значительно больший интерес к методологическим вопросам семиотики и структурной лингвистики[14]. Единственным, кто в своем выступлении уделяет пристальное внимание деятельности группы, оказывается Брейтбурд. В отличие от итальянских коллег, он резко негативно оценивает роль итальянского неоавангарда, в очередной раз подчеркивая его творческую бесплодность и вторичность и связывая бедность литературного ландшафта современной Италии с влиянием неоавангардных идей, которые предполагают «отказ от целостного восприятия мира», «сведение мира к некой номенклатуре предметов» и в этом совпадают с «основополагающи-

детальный анализ этой проблемы далеко выходит за рамки данной статьи. Подробнее о поэтике и теории итальянского неоавангарда и о его значимости в итальянской культуре см. мое диссертационное исследование [3] и библиографию к нему, в особенности раздел II.II. (Авангардоведение и неоавангардоведение) [3, с. 203–205].

14 Тот факт, что на итальянской почве эти научные концепции впервые получили развитие именно в кругах «Группы 63», отдельно не обсуждается — вероятно, в силу своей очевидности для всех итальянских участников дискуссии.

ми идеологическими установками неокапитализма» [28, с. 223]. Это резкое высказывание не находит отклика у итальянских участников и фактически «повисает в воздухе», однако оно само по себе свидетельствует о том, что неоавангардная проблематика по-прежнему вызывает у советского критика не только научный интерес, но и эмоциональный отклик. Брейтбурд обращается к теме авангарда и неоавангарда и в выступлении на конгрессе Международной ассоциации исследователей итальянской литературы (Нью-Йорк, 25 апреля 1973 г.), посвященном итальянской поэзии XX в. В речи «О мнимом авангарде» [13] он упоминает свою многолетнюю полемику с «Группой 63», в очередной раз критикуя ее за формализм, творческую бесплодность и подчинение «установкам неокапитализма». Отсылки к неоавангардным дискуссиям появляются и в публикациях 1973–1974 гг., не имеющих прямого отношения к «Группе 63», — статье о Чезаре Павезе «Годен к перу», рецензиях на роман Эльзы Моранте «История» (1974 г.) и даже на «Самопознание Дзено» Итало Звево (1923 г.).

Эти факты говорят о том, что опыт полемики с неоавангардом является важнейшим эпизодом творческой биографии Брейтбурда, к которому он регулярно возвращается вплоть до последних лет жизни. Несмотря на неприязненное отношение к «Группе 63» и авангардному искусству как таковому, именно Брейтбурд вносит решающий вклад в популяризацию итальянского неоавангарда в советской культуре: его публикация в «Новом мире», вызвавшая международный резонанс, содержит ценные сведения об истории, теоретических дискуссиях и художественной практике «Группы 63». При всей своей ангажированности именно эта статья по-настоящему открывает итальянскому неоавангарду путь на страницы советской прессы и делает возможным его дальнейшее обсуждение — не только в сугубо критическом, но и в достаточно взвешенном научном ключе (о чем свидетельствует ряд публикаций в журнале «Вопросы литературы»).

Ключевая роль Брейтбурда подтверждается и тем фактом, что после его смерти в 1976 г. интерес советской критики к «Группе 63» фактически сходит на нет (даже распад группы в конце 1960-х гг. не оказал такого катастрофического влияния на интенсивность советских дискуссий вокруг нее). Парадоксальным образом идеологическая борьба против итальянского неоавангарда, которую активно вел Брейтбурд, способствовала популяризации течения — по крайней мере среди советских критиков и филоло-

гов, в то время как прекращение этой борьбы вскоре привело к тому, что изучение итальянской неоавангардной литературы было практически прекращено, а переводы — за редчайшим исключением — так и не появились. В этом отношении интересно сравнить советскую рецепцию итальянского неоавангарда с рецепцией другого крупного неоавангардного течения — французского «нового романа», опыт которого пристально изучался и активно использовался «Группой 63». «Новый роман», привлекший внимание советских критиков уже в конце 1950-х гг., начиная с 1963 г. стал активно переводиться на русский язык, и в настоящее время представлен в России внушительным корпусом текстов, многие из которых были полностью или частично переведены и опубликованы еще в советскую эпоху. Итальянский неоавангард, впервые упомянутый в советской прессе только в 1964 г. и через несколько лет фактически прекративший существовать как целостное течение, оказался не столь «удачлив»: неоавангардные художественные тексты — из-за своей усложненности и экспериментальности, или же в силу культурной инерции — практически не публиковались ни в СССР, ни в период издательского бума эпохи «перестройки», ни в современной России, и остаются крайне слабо представленными в русскоязычном культурном поле.

Из неоавангардной поэзии переведены лишь отдельные образцы в составе подборок и антологий[15]. Одной из немногих советских публикаций неоавангардной прозы становится перевод романа Л. Малербы «Сальто мортале» (“Salto mortale”, 1968) в «Иностранной литературе» (1976. № 5; пер. Л. Вершинина)[16]. Из многочисленных теоретических трудов «Группы 63» на русский язык переведены только работы У. Эко (в том числе программное «Открытое произведение» / “Opera aperta”, 1962) и статья А. Гульельми «Экспериментальный роман» в сборнике «Называть вещи своими именами» (1986). В результате, в отличие от «нового романа» и некоторых других неоавангардных течений, тексты «Группы 63» в России остаются в значительной мере недоступными широкому русскоязычному читателю и известными лишь узкому кругу специалистов-филологов.

15 Например, стихотворение Э. Сангвинети «Ну поплачь, поплачь...» в подборке «Из современной поэзии Италии» [27] или стихи А. Джулиани, Э. Пальярани и Э. Сангвинети в антологии «Итальянская лирика. XX век» [17].

16 Значительно позже, уже в 1992 г., был издан ранний роман Малербы «Змей» (“Il Serpente”, 1966; в русском переводе Ф. Двин — «Змея» [23]). Неоавангардная проза других участников «Группы 63» на русский язык не переводилась вовсе.

Список литературы

Исследования

1 *Бирюков С.Е.* Грани неоавангарда: действующие лица, институции, группы, издания, презентации и т. д. // Имидж, диалог, эксперимент — поля современной русской поэзии. Мюнхен; Берлин; Вашингтон: Verlag Otto Sagner, 2013. С. 65–76.

2 *Биуль-Зедгинидзе Н.* Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского (1958–1970 гг.). М.: Первопечатник, 1996. 440 с.

3 *Голубцова А.В.* Проблема безумия в прозе итальянского неоавангарда (на материале романов Л. Малербы, Дж. Манганелли, Э. Сангвинети): дис. … канд. филол. наук. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 222 с.

4 *Соколова О.В.* От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019. 294 с.

5 *Asor Rosa A.*, *Abruzzese A.* Cultura e società del Novecento: Antologia della letteratura italiana. Firenze: La Nuova Italia, 1981. 855 p.

6 *Giovannuzzi S.* Pasolini, Moravia e la Neoavanguardia // “Sinestesie”. Rivista di studi sulle letterature e le arti europee. Alberto Moravia e Pier Paolo Pasolini: Intellettuali, scrittori, amici. 2013. Anno XI. P. 123–140.

Источники

7 *Брейтбурд Г.С.* Белая полоса в пустыне // На стороне разума: о современной итальянской литературе. М.: Сов. писатель, 1978. С. 53–95.

8 *Брейтбурд Г.С.* Белая полоса в пустыне // Неоавангардистские течения в зарубежной литературе 1950–60 гг. М.: Худож. лит., 1972. С. 239–291.

9 *Брейтбурд Г.С.* Белая полоса в пустыне // Новый мир. 1971. № 2. С. 159–177.

10 *Брейтбурд Г.С.* «Для кого мы пишем» // Вопросы литературы. 1968. № 7. С. 153–160.

11 *Брейтбурд Г.С.* Итальянский «новый авангард» // На стороне разума: о современной итальянской литературе. М.: Сов. писатель, 1978. С. 13–52.

12 *Брейтбурд Г.С.* Итальянский «новый авангард» // Новый мир. 1967. № 3. С. 220–236.

13 *Брейтбурд Г.С.* О мнимом авангарде // На стороне разума: о современной итальянской литературе. М.: Сов. писатель, 1978. С. 229–239.

14 *Великовский С.И.* Разрушение романа (о «новой школе» французской прозы) // Иностранная литература. 1959. № 1. С. 175–185.

15 *Голенищев-Кутузов И.Н.* От сумеречников к неоавангардистам (Итальянская поэзия XX века) // Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 82–109.

16 Группа 63 // Иностранная литература. 1964. № 1. С. 279–280.

17 Итальянская лирика. XX век / сост. Е. Солонович, предисл. А. Суркова. М.: Прогресс, 1968. 391 с.

18 *Кин Ц.* Вопросы анкеты и вопросы жизни // Новый мир. 1964. № 10. С. 183–191.
19 *Кин Ц.* Литературная алхимия // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 199–208.
20 *Лакшин В.* Физиология успеха // Новый мир. 1968. № 4. С. 169–173.
21 *Левик В.* Поэты современной Италии // Иностранная литература. 1970. № 2. С. 262–264.
22 Литературные иллюстрации // Иностранная литература. 1963. № 1. С. 191–206.
23 *Малерба Л.* Греческий огонь; Змея / пер. с итал.; предисл. Ц. Кин. М.: Новости, 1992. 365 с.
24 *Мотылева Т.* Что же изменилось? // Иностранная литература. 1970. № 9. С. 100–102.
25 *Наумов К.* Дискуссия о реализме в Италии // Вопросы литературы. 1960. № 1. С. 146–152.
26 Призыв деятелей культуры // Иностранная литература. 1968. № 8. С. 279–280.
27 *Сангвинети Э.* Ну поплачь, поплачь… // Новый мир. 1966. № 9. С. 186.
28 Споры о сущности литературы // Иностранная литература. 1973. № 1. С. 205–225.
29 *Страда В.* Мысли об итальянском романе // Иностранная литература. 1965. № 9. С. 240–247.
30 *Шкунаева И.Д.* Новейшая «алитература» // Новый мир. 1959. № 3. С. 198–205.
31 *Barilli R.*, *Guglielmi A.* Introduzione (1976) // Gruppo 63. L'Antologia a cura di Nanni Balestrini e Alfredo Giuliani. Critica e teoria a cura di Renato Barilli e Angelo Guglielmi. Milano: Bompiani, 2013 [Edizione digitale]. P. 420–440.
32 *Breitburd G.* I giuochi dell'oca // Rinascita. 1967. 16 giugno. № 24. P. 27.
33 *Costantini C.* La "neo-avanguardia" italiana fra scarsi successi e duri attacchi // Il Messaggero. 1967. 18 maggio.
34 *Ferrata G.* Una parte della questione // Rinascita. 1967. 2 giugno. № 22. P. 20–21.
35 *Ferretti G.C.* Il rispetto dei testi // Rinascita. 1967. 23 giugno. № 25. P. 27.
36 *Grisi F.* Gruppo 63 e Novy Mir // La Discussione. 1967. 5 giugno. P. 30.
37 La polemica di Novi Mir contro il Gruppo 63 // Quindici. Giugno 1967. Anno 1. № 1. P. 5–6.
38 *Micacchi D.* Incontro con lo scrittore Aleksander Tvardovskij, direttore di "Novi Mir" // l'Unità. 1967. 6 aprile.
39 *Pasolini P.P.* La fine dell'avanguardia // Nuovi argomenti. 1966. Luglio–dicembre. № 3–4. P. 3–28.
40 *Rago M.* Il saggio di Novi Mir sulla neo-avanguardia // I'Unità. 1967. 17 maggio.
41 *Roggi E.* Polemica di Novi Mir sull'avanguardia letteraria italiana // I'Unità. 1967. 6 maggio.
42 *Siciliano E.* Fu avanguardia il neorealismo? // Rinascita. 1967. 26 maggio. № 21. P. 37.
43 *Spinella M.*, *Ferretti G.C.*, *Giudici G.* A proposito dell'articolo di Gheorghi Breitburd su "Novi Mir" // Rinascita. 1967. 19 maggio. № 20. P. 18–20.

References

1 Biriukov, S.E. “Grani neoavangarda: deistvuiushchie litsa, institutsii, gruppy, izdaniia, prezentatsii i t. d” [“The Facets of Neo-Avant-Garde: Characters, Institutions, Groups, Periodicals, etc.”]. *Imidzh, dialog, eksperiment — polia sovremennoi russkoi poezii* [*Image, Dialogue, Experiment: Fields of Modern Russian Poetry*]. Munich, Berlin, Washington, Verlag Otto Sagner, 2013, pp. 65–76. (In Russ.)

2 Biul’-Zedginidze, N. *Literaturnaia kritika zhurnala “Novyi mir” A.T. Tvardovskogo (1958–1970 gg.)* [*Literary Criticism of A.T. Tvardovsky’s “Novyi Mir” (1958–1970)*]. Moscow, Pervopechatnik Publ., 1996. 440 p. (In Russ.)

3 Golubtsova, A.V. *Problema bezumiia v proze ital’ianskogo neoavangarda (na materiale romanov L. Malerby, Dzh. Manganelli, E. Sangvineti)* [*The Problem of Insanity in Italian Neo-Avant-Garde Prose (by Luigi Malerba, Giorgio Manganelli and Edoardo Sanguineti): PhD Dissertation*]. Moscow, 2013. 222 p. (In Russ.)

4 Sokolova, O.V. *Ot avangarda k neoavangardu: iazyk, sub”ektivnost’, kul’turnye perenosy* [*From Avant-Garde to Neo-Avant-Garde: Language, Subjectivity, Cultural Transfers*]. Moscow, Kul’turnaia revoliutsiia Publ., 2019. 294 p. (In Russ.)

5 Asor Rosa, Alberto, and Alberto Abruzzese. *Cultura e società del Novecento: Antologia della letteratura italiana.* Firenze, La Nuova Italia, 1981. 855 p. (In Italian)

6 Giovannuzzi, Stefano. “Pasolini, Moravia e la Neoavanguardia.” *Sinestesie. Rivista di studi sulle letterature e le arti europee. Alberto Moravia e Pier Paolo Pasolini: Intellettuali, scrittori, amici*, anno XI, 2013, pp. 123–140. (In Italian)